

УДК 821.161.1.09

DOI 10.31654/2520-6966-2019-12f-95-31-40

А. К. Павельева

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и перевода Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка

Идиллическая картина мира в повести Н. В. Гоголя "Старосветские помещики"

В статье рассматривается идиллическая картина мира в повести Н. В. Гоголя "Старосветские помещики". Автор статьи доказывает, что "буколическая жизнь" старосветских помещиков связана с идиллическим хронотопом, в котором идиллический пространственный мирок двух стариков замкнут, обособлен, отдалён от "внешнего" мира, отличается целостностью и завершенностью.

В статье отмечается, что структура пространства и времени в данном произведении кольцеобразная: происходит сужение пространства от бытового к идиллическому, времени – от настоящего к прошлому, то есть от внешнего мира к старосветскому. В исследовании утверждается, что в тексте повести большой мир, расположенный за пределами поместья Товстогузов, является антитезой старосветской жизни, старосветскому миру.

В статье особо подчеркивается, что идиллическое пространство в гоголевской повести максимально заполнено рядом предметов, строений, зданий, деревьев, растений, звуков, запахов, видений. Мотив гостеприимства и мотив еды в гоголевской повести рассматриваются как значимые компоненты идиллического хронотопа.

Также утверждается, что разъединение любящих стариков отражается в деструкции пространства физического, в разрушении прежде всего границ, некогда отделявших два мира – частогола и плетня. Доказывается, что время старосветских помещиков – добрых, радушных и чистосердечных – уходит в прошлое.

Ключевые слова: идиллический хронотоп, внешнее пространство, внутренне пространство, пространство дома, мотив еды, мотив гостеприимства.

Из повестей второго цикла Н. В. Гоголя, "Старосветские помещики", наравне с "Тарасом Бульбой", больше всего привлекали внимание исследователей. Это произведение рассматривалось в работах М. М. Бахтина [2], Ю. М. Лотмана [10], В. И. Мацапуры [11], В. Я. Звиняцковского, А. М. Докусова [7], Г. А. Гуковского, [6],

А. Крживон [1], А. Г. Ковальчука [9], В. Л. Скуратовского [16], И. А. Есаулова, В. Ю. Белоноговой, С. Иткулова, Т. П. Целехович, А. Лебедева и многих других. Гоголеведы анализировали разные аспекты указанной повести, начиная от композиции и образной системы до овеществленности пространства в данном произведении. При этом во многих исследованиях, на наш взгляд, неверно трактовался сам замысел писателя – изображение карикатурной жизни, пародии на человечество. Мы считаем, что Н. В. Гоголь стремился изобразить именно идиллию старосветской жизни, природы, помещного пространства и давно ушедшего времени. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение идиллической картины мира в повести Н. В. Гоголя "Старосветские помещики", в частности, с точки зрения категорий художественного пространства, художественного времени и хронотопа.

Из всех повестей циклов "Вечера" и "Миргород" именно на трактовку повести Н. В. Гоголя "Старосветские помещики" (в том числе и на анализ её пространственно-временной структуры) больше всего повлияли идеологемы советского периода. Начиная с В. Г. Белинского, который усматривал в гоголевских стариках "две пародии на человечество", а в идее повести – изображение всей пошлости и гадости "этой жизни, животной, уродливой, карикатурной", критики в большинстве своём неверно истолковывают замысел автора. Так, А. М. Докусов разделяет взгляды Станкевича, утверждавшего, что в повести Гоголя "схвачено прекрасное чувство человеческое в пустой ничтожной жизни" [7, с. 8], и мнение Г. А. Гукковского о том, что Товстогубы являют собой "картину пошлейшего животного прозябания" [6, с. 95–96]. Исследователь уверен, что "образ помещной усадьбы, замкнутой в себе самой", является "настоящим и страшным злом" [7, с. 20], а Гоголь изобразил "перерождение их (старосветских помещиков – А. П.) от человека к животному" [7, с. 22]. Такого мнения придерживаются и зарубежные литературоведы. Например, немецкий исследователь А. Крживон говорит о "растительном существовании" старосветских помещиков [1]. Именно такое видение изображённой Гоголем идиллии представлено во многих работах исследователей и в настоящее время. Например, А. Г. Ковальчук также считает, что главной ценностью в мире старосветских помещиков является еда [9, с. 46], а В. Л. Скуратовский утверждает, что "Товстогубы ещё при жизни превратились в полурастения", которые "ведут единственно активную жизнь – жизнь желудка" [16, с. 85]. Такую трактовку рассматриваемого произведения мы считаем в корне неверной.

"Низменная буколическая жизнь" старосветских помещиков тесно связана с идиллическим хронотопом. По мнению М. М. Бахтина, "идиллическим" является хронотоп отчего дома. Думается, что идиллический хронотоп можно соотносить не только с отчим домом, но и шире – с дворянскими поместьями, деревенскими усадьбами и т. д. Рассматривая идиллические хронотопы, М. М. Бахтин подчёркивает, что "идиллическая жизнь и её события неотделимы от <...> конкретного пространственного уголка" [2, с. 374]. Это наблюдение справедливо и в отношении идиллии старосветского поместья в гоголевской повести, которая изображается рассказчиком как присутствующая именно владениям Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича. Жизнь старосветских помещиков "прикреплена" к их поместью, почти не связанному с остальным, большим миром, о котором они имеют весьма смутное представление, да и то со слов своих гостей.

Идиллический пространственный мирок, как считает М. М. Бахтин, "ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром" [2, с. 374]. Такая обособленность "старосветского" пространства в повести Гоголя постоянно подчёркивается рассказчиком. Из его ремарок становится ясно, что имение старосветских помещиков отдалено от мира, в котором живет повествователь, и в пространстве, и во времени, о чем свидетельствует не только указание на месторасположение поместья, но и само его название ("*старосветский* – не современный по образу жизни, патриархальный" [13, с. 623]). Гостеприимство и доброта Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича являются в повести Гоголя "мостиком" из внешнего, "чужого" мира во внутренний, замкнутый старосветский мир. И. А. Есаулов справедливо замечает, что идиллический мир старосветского поместья, несмотря на свою отгороженность, принципиально открыт для гостей, ведь "эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у них ни было лучшего, все это выносилось" [8, с. 62]. Старосветским помещикам хорошо в своём замкнутом пространстве, они не желают его покидать и равнодушны к событиям внешнего ("чужого", чуждого им) мира. "Их замкнутый мир – это не малая часть вселенной, а самостоятельный мир, приметы которого – целостность и завершенность" [18, с. 141]. Лишь дважды, и то мысленно, подтрунивая над Пульхерией Ивановной, Афанасий Иванович допускает возможность выхода из идиллического пространства – при гипотетическом пожаре или если бы он пошёл на войну. Из описаний рассказчика, свидетельствующих о том, что для него идиллическое пространство-время состоит из целого ряда приятных ему предме-

тов, звуков, запахов, видений, становится ясно, для него этот старосветский мирок является идиллическим. А. М. Докусов подчёркивает, что "рассказчик несомненно сочувствует идиллии поместного гнезда, жалеет об её утрате" [7, с. 19].

Идиллическое пространство в повести максимально заполнено. При этом многие предметы, строения, здания, даже деревья и кусты описываются как маленькие и низенькие, покосившиеся и пригнувшиеся к земле. Внутреннее пространство дома также кажется крошечным, однако при этом оно изображено автором с симпатией и ностальгией. Так, рассказчик отмечает, что "комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей" [5, с. 10], но, когда у помещиков бывали гости, "тогда все в их доме принимало другой вид" [5, с. 17]. Внутреннее пространство домика наполнено не только различными предметами, но и звуками, что является одной из специфических особенностей гоголевского хронотопа. Следует согласиться со справедливым утверждением В. Ф. Переверзева: "В изображении дома среднего и мелкого помещика Гоголь не имеет себе равного" [15, с. 95]. А. М. Докусов точно подметил, что в повести Гоголя "Старосветские помещики" читатель, "ещё не видя владельцев усадьбы, уже знает о них всё, знает именно из описания "вещного" мира, каждый предмет которого точно живой и обладает своей физиономией, является зеркалом души человека" [7, с. 20].

Структура пространства и времени в данном произведении, на наш взгляд, кольцеобразная: происходит сужение пространства от бытового к идиллическому, времени – от настоящего к прошлому, то есть от внешнего мира к старосветскому. "Все художественное пространство разделено на две неравные части, – отмечает Ю. М. Лотман. – Первая из них – почти не детализированная – "весь остальной мир". Она отличается обширностью, неопределённостью. Это место пребывания повествователя, его пространственная точка зрения. <...> Вторая – это мир старосветских помещиков" [10, с. 635]. Хотя внешний мир и не изображён автором как волшебного-фантастического, исследователь справедливо замечает, что для старосветских помещиков он продолжает оставаться мифологическим пространством, поскольку он отгорожен, как в сказке, лесом, там живут таинственные дикие коты, а кошечка Пульхерии Ивановны "набралась романтических правил" [10, с. 637]. В тексте повести большой мир, расположенный за пределами поместья Товстогузов, является антитезой старосветской жизни, старосветскому миру. По мнению В. Ю. Белоноговой, здесь "отчётливо читается

тема острова, окружённого враждебным и холодным морем", ведь идиллический мирок гоголевских стариков "заведомо слабее и уязвимее большого и враждебного им мира технократической цивилизации" [4, с. 154]. И. А. Есаулов справедливо указывает, что для рассказчика идиллическая "скромная жизнь" Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича является одновременно желанным и недостижимым ориентиром, а прелесть старосветского уклада жизни осознаётся им на контрастном фоне иного миропорядка [8, с. 65–66]. Противоположного мнения придерживается А. М. Докусов, считающий, что рассказчик предпочитает смотреть на идиллическую жизнь Товстогубов только "издали", а остаться в ней надолго для него равносильно духовной смерти [7, с. 19].

И. А. Есаулов усматривает в авторском противопоставлении двух типов пространства в повести Гоголя "Старосветские помещики" православный подтекст, а именно – оппозицию *покоя* старосветской жизни и *беспокойства*, царящего по ту сторону защитного "частокола". Вне духовного контекста, как считает исследователь, трудно объяснить "глобальное отличие совершенно *локального* старосветского топоса от *всего остального мира*" [8, с. 61, 63].

Одним из основных свойств пространства дома является неизменность, поэтому неслучайно идилличность пространства старосветского поместья начала разрушаться со смертью хозяйки и окончательно пришла в упадок после смерти второго владельца – Афанасия Ивановича.

Жизнь старосветских помещиков протекает, на первый взгляд, совершенно неизменно. На такую особенность идиллического хронотопа указывал ещё М. М. Бахтин: "Определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени" [2, с. 374]. Многие события и происшествия в гоголевской повести предстают как постоянно повторяющиеся, "циклические".

Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда, питьё – это, по мнению М. М. Бахтина, основные равнодостоинные реальности идиллической жизни, между которыми нет резких контрастов. "Идиллия не знает быта", – подчёркивает исследователь [2, с. 374]. Следовательно, всё бытовое, рутинное, мелочное, неважное в обыденной жизни (или с точки зрения читателя) является в идиллии как раз самым существенным в жизни. Мотив гостеприимства и мотив еды в гоголевской повести являются значимыми компонентами идиллического хронотопа. Пространство заполнено едой и питьём в готовом и сыром виде, а день старосветских помещиков изме-

ряется не часами, а временем приёма пищи. В тексте повести указывается, что старосветские помещики "перекусывали" около 8 раз в день. Вполне естественно, что вся их жизнь протекала от трапезы к трапезе. А. Г. Ковальчук уверен, что в данной повести еда становится смыслом жизни, основой для любви и для достижения "животного счастья", а всеобщее стремление обитателей поместья – "жрать" [9, с. 46–47]. О. Н. Филленко также, в традициях советской трактовки повести, считает, что окружающий мир не удовлетворяет старосветских помещиков, "иначе они не спали бы и не ели так много" [17, с. 98]. Однако мы полагаем, что в таком совместном времяпровождении была своя логика. Автор неоднократно подчёркивает, что старосветским помещикам приятно было заботиться друг о друге, а цель и смысл их жизни сводились не просто к еде, а к заботе и любви друг к другу.

Думается, что разъединение любящих стариков, то есть надлом духовного, внутреннего пространства Афанасия Ивановича, отражается в деструкции пространства физического, в разрушении прежде всего границ, некогда отделявших два мира – частокола и плетня. После смерти Афанасия Ивановича всё имение совершенно опустело и разрушилось. Идиллическое пространство зависит от "населяющих" его персонажей – верных и любящих, преданно заботящихся друг о друге. С уходом Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича в мир иной идиллический миропорядок помещицкой усадьбы разрушается и приходит в упадок, от былой гармонии и уюта не остаётся и следа. В подтексте повести угадывается мысль автора о том, что время старосветских помещиков – добрых, радушных и чистосердечных – уходит в прошлое. Как справедливо заметил Б. И. Николаев, "так Гоголь простился со старой Украиной в цикле "Миргород": с одной стороны, героическим хронотопом "Тараса Бульбы", с другой стороны, идиллическим "Старосветских помещиков" [12, с. 175].

Литература

1. Krziwon A. Das Komische in Gogol's Erzählungen. Frankf. a. M. Berlin N. Y. Paris–Wien, 1994. S. 130.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Белинский В. Г. О русских классиках. Москва: Худож. лит., 1978. 525 с.
4. Белоногова В. Ю. К замыслу "Старосветских помещиков". Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятые Гоголевские чтения: сб. докл. Междунар. науч. конф. Москва: АНО "Фестпартнер", 2010. 464 с. С. 151–156.

5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); глав. ред. Н. Л. Мещеряков; ред.: В. В. Гиппиус (зам. глав. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. Москва; Ленинград. Изд-во АН СССР, 1937–1952.
6. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. Москва; Ленинград. Гос. изд-во худож. лит., 1959. 532 с.
7. Докусов А. М. "Миргород" Н. В. Гоголя. Лекции из спецкурса "Н. В. Гоголь". Ленинград, 1971. 176 с.
8. Есаулов И. А. Изображение двух типов апостасии в художественной прозе Н. В. Гоголя ("Миргород" и "Мёртвые души"). *Категория соборности в русской литературе*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. 288 с. С. 61–82.
9. Ковальчук О. Г. Гоголь: буття і страх: монографія. Ніжин: Вид-во НДУ ім. М. Гоголя, 2009. 127 с.
10. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. *О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы*. Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 1997. С. 621–658.
11. Мацапура В. И. Н. В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики. Полтава: Полтав. літератор, 2009. 304 с.
12. Николаев Б. И. Организация пространства в "украинских" повестях Н. В. Гоголя. *Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения): материалы научной конференции*. Киев: Русь, 1994. 226 с. С. 170–175.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз., 1988. 750 с.
14. Павельева А. К. Идиллический хронотоп в повести Н. В. Гоголя "Старосветские помещики". *Вестник Крымских литературных чтений: сб. науч. статей и материалов*. Симферополь: Крымский Архив, 2011. Вып. 7. С. 160–171.
15. Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования. Москва: Советский писатель, 1982. 512 с.
16. Скуратовский В. Л. На пороге как бы двойного бытия (из наблюдений над мирами Гоголя). *Гоголезнавчі студії. Випуск другий*. Ніжин, 1997. С. 64–102.
17. Филенко О. Н. Хронотоп Миргорода Н. В. Гоголя. Література та культура Полісся / відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. Ніжин: НДУ імені М. Гоголя, 2008. Вип. 44. С. 96–105.
18. Хомчак Е. Г. Идиллический хронотоп в романе "Обломов" И. А. Гончарова. *Південний архів. Філологічні науки: збірник наукових праць*. Херсон: Вид-во ХДУ, 2009. Вип. XLIV. С. 141–144.

References

1. Krziwon, A. (1994). Das Komische in Gogol's Erzählungen. Frankf. a. M. Berlin N. Y. Paris–Wien.

2. Bahtin, M.M. (1975). *Voprosyi literaturyi i estetiki. Issledovaniya raznykh* [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moskva [in Russian].

3. Belinskiy, V.G. (1978). *O russkikh klassikah* [About Russian classics]. Moskva [in Russian].

4. Belonogova, V.Yu. (2010). K zamyслу "Starosvetskih pomeschikov". N.V. Gogol i russkaya literature [To the plan "Starosvetskih landowners." N.V. Gogol and Russian literature]. *K 200-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo pisatelya. Devyatyye Gogolevskie chteniya: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. Konf* – To the 200th anniversary of the birth of the great writer. Ninth Gogol reading: Sat. reports International scientific conf. (pp. 151–156). Moskva: ANO "Festpartner" [in Russian].

5. Gogol, N.V. (1937–1952). *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t. / AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Complete Works: 14 t. / USSR Academy of Sciences; Inst. Rus. lit. (Pushkin. House)]. Chapters. ed. N. L. Meshcheryakov; ed. : V.V. Gippius (deputy head. ed.), V.A. Desnitsky, V.Ya. Kirpotin, N.L. Meshcheryakov, N.K. Pksanov, B.M. Eykhenbaum. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (Vols. 1–14) [in Russian].

6. Gukovskiy, G.A. (1959). *Realizm Gogolya* [Gogol's realism]. Moscow; Leningrad [in Russian].

7. Dokusov, A.M. (1971). "Mirgorod" N. V. Gogolya. *Lektsii iz spetskursa "N.V. Gogol"* ["Mirgorod" N. V. Gogol. Lectures from the special course "N. V. Gogol"]. Leningrad [in Russian].

8. Esaulov, I.A. (1995). *Izobrazhenie dvuh tipov apostasii v hudozhestvennoy proze N. V. Gogolya ("Mirgorod" i "MYortvyie dushi"). Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The image of two types of apostasy in the prose of N. V. Gogol ("Mirgorod" and "Dead Souls"). Category of catholicity in Russian literature]. Petrozavodsk [in Russian].

9. Kovalchuk, O.G. (2009) *Gogol: buttya i strah: monografiya* [Gogol: buttya and fear: monographs]. Nizhin [in Ukrainian].

10. Lotman, Yu.M. (1997). *Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya. O rus-skoy literature: stati i issledovaniya (1958–1993). Istoriya russkoy prozyi. Teoriya literaturyi* [Art space in the prose of Gogol. On the Russian literature: articles and studies (1958–1993). The history of Russian prose. Literature Theory]. Sankt-Peterburg [in Russian].

11. Matsapura, V. I. (2009). *N.V. Gogol: hudozhestvennyiy mir skvoz prizmu poetiki* [N.V. Gogol: the art world through the prism of poetics]. Poltava [in Russian].

12. Nikolaev, B.I. (1994). *Organizatsiya prostranstva v "ukrainskikh" povestiyah N. V. Gogolya. Gogol i sovremennost (k 185-letiyu so dnya rozhdeniya)* [The organization of space in the "Ukrainian" stories by N.V. Gogol. Gogol and the present (to the 185th anniversary of the birth)]. *Materialyi nauchnoy konferentsii – Scientific conference materials.* (pp. 170–175). Kiev [in Russian].

13. Ozhegov, S. I. (1988) *Slovar russkogo yazyika: Ok. 57000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 57,000 words]. Yu. Shvedova (Ed.). (20h ed.). Moskva [in Russian].

14. Pavelieva, A. K. (2011). *Idillicheskiy hronotop v povesti N.V. Gogolya "Starosvetskie pomeschiki"* [The idyllic chronotope in the story of N.V.Gogol "The Old-World Landowners"]. *Vestnik Kryimskih literaturnyih chteniy* [Bulletin of the Crimean literary readings]. Out. 7. Simferopol [in Russian].

15. Pereverzev, V. F. (1982). *Gogol. Dostoevskiy. Issledovaniya*. [Gogol. Dostoevsky Investigations]. Moskva [in Russian].

16. Skuratovskiy, V. L. (1997). *Na poroge kak byi dvoynogo byitiya (iz nablyudeniya nad mirami Gogolya)* [At the threshold of a twin being (from observation over Gogol's worlds)]. *Gogoleznavchi studiyi* [Gogolevzavchi studios]. Out. 2. Nizhin [in Russian].

17. Filenko, O. N. (2008). *Hronotop Mirgoroda N.V. Gogolya* [Chronotop of Mirgorod N.V.Gogol]. *Literatura ta kultura Polissya* [Literature and culture of Polissya]. G.V. Samoilenko [Ed.]. Out. 44. Nizhin [in Ukrainian].

18. Homchak, E. G. (2009). *Idillicheskiy hronotop v romane "Oblomov" I.A. Goncharova* [The idyllic chronotope in the novel "Oblomov" by I.A. Goncharov]. *Pivdenniy arhiv. Filologichni nauki: zbirnik naukovih prats* [Southern Archive. Philological Sciences]. Out. XLIV. Herson [in Russian].

А. К. Павельсва

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземної філології та перекладу
Полтавського національного технічного університету імені Юрія Кондратюка

Ідилічна картина світу в повісті М. В. Гоголя "Старосвітські поміщики"

У статті розглядається ідилічна картина світу в повісті М. В. Гоголя "Старосвітські поміщики". Автор статті доводить, що "буколічне життя" старосвітських поміщиків пов'язане з ідилічним хронотопом, у якому структура простору й часу кільцеподібна: відбувається звуження простору від побутового до ідилічного, часу – від сьогодення до минулого, тобто від зовнішнього світу до старосвітського. При цьому зовнішній світ, розташований за межами маєтку Товстогубів, практично не деталізований; він відрізняється просторістю, невизначеністю і постає антитезою старосвітському життю, старосвітському світу.

У статті особливо підкреслюється, що ідилічний простір у гоголівській повісті максимально заповнений низкою предметів, будинків, споруд, дерев, рослин, звуків, подій, видінь. Зазначається, що і зовнішній (простір маєтку), і внутрішній простір будинку зображені оповідачем із симпатією й ностальгією.

У статті доводиться, що мотив гостинності й мотив їжі в гоголівській повісті є значущими компонентами ідилічного хронотопу. Також особливо підкреслюється, що роз'єднання люблячих старих, тобто надлам духовного, внутрішнього простору Афанасія Івановича відображається в деструкції фізичного простору, у руйнуванні насамперед меж, які колись відокремлювали два світи – частоколу й тину. Стверджується, що час старосвітських поміщиків – добрих, привітних і щирсердих – відходить у минуле. На останок відзначається, що таким чином Гоголь попрощався зі старою Україною у циклі "Миргород": з одного боку, героїчним хронотопом "Тараса Бульби", з іншого боку, ідилічним хронотопом "Старосвітських поміщиків".

Ключові слова: ідилічний хронотоп, зовнішній простір, внутрішній простір, простір будинку, мотив їжі, мотив гостинності.

A. K. Pavelieva

The candidate of Philological Sciences, the associate professor of the Department of Foreign Philology and Translation at the Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University

The idyllic worldbuilding in the short story by Nikolai Gogol "The Old World Landowners"

The article discusses the idyllic worldbuilding in the short story by Nikolai Gogol "The Old-World Landowners". The author of the article proves that the "bucolic life" of old-world landowners is closely related to an idyllic chronotope, in which the idyllic spatial world of two old people is secluded, isolated, distant from the "external" world, it is distinguished by integrity and completeness.

The article notes that the structure of literary space and time in this work is annular: the space narrows from domestic to idyllic, while time narrows from the present to the past, that is, from the outside world to the old-world. The study states that in the text of the short story the big world, located outside the Tovstogubov estate, is the antithesis to the old-world life, the old world.

The article emphasizes that the idyllic space in the Gogol's short story is maximally filled with a number of objects, buildings, structures, trees, plants, sounds, smells, visions.

The article proves that the hospitality motive and the food motive are important components of the idyllic chronotope in the Gogol's short-story. The author of the article also emphasizes that the separation of loving old people, that is, the breakdown of the spiritual, inner space of Afanasy Ivanovich is reflected in the destruction of the physical space, primarily in the destruction of the boundaries that once separated the two worlds – the paling and the fence. It is argued that the time of the old-world landowners – kind, cordial and sincere – is receding into the past. In conclusion, it is noted that with this literary work Gogol said goodbye to the old Ukraine in the cycle "Mirgorod": on the one hand, with the heroic chronotope of "Taras Bulba", and on the other hand, with the idyllic chronotope of "The Old-World Landowners".

Key words: *idyllic chronotope, outer space, inner space, house space, food motive, hospitality motive.*